

С декабря мы были знакомы с Аннабель, как ты помнишь. Я всё это время находился в мире грёз и витал в облаках. Пэрриш, конечно же, не упускал возможности поиздеваться над, цитирую, «влюблённым калекой». Я был воодушевлён, наконец-то серьёзно взялся за учёбу, чем очень удивил учителей и Пэрриша.

— Да как? Ты в обычное время учишься не очень, когда болеешь - учишься не очень, а сейчас чего начал?! У тебя любовь вечная, какие могут быть уроки?

Я всегда усмехался, когда Пэрриш говорил о нас с Аннабель: мы тогда даже не встречались, а он планировал уже и свадьбу, и совместную жизнь, и так далее. А я не придавал этому особого значения: мы же всего лишь подростки, что серьёзного может выйти из влюблённости в это время.

— У вас будут такие красивые дети! — говорил он с восхищением, — Ты у нас парень хоть куда, про неё я вообще молчу. Но только не ревнуй!

— Я даже и не собирался, — я был очень сосредоточен на том, что готовил для Аннабель.

Я наконец собрал всю свою смелость в кулак (а её немного) и решил предложить Аннабель стать моей девушкой. Да, мне было 16, я был ужасно скромен и труслив. Я поразмыслил, что идеально было бы посвятить девушке моего сердца стих, которые писать я не умел, на минуточку, и подарить ей его вместе с букетом цветов и чем-нибудь ещё. В момент моих размышлений, пока я отвлёкся, Малкольм выхватил лист прямо из-под моей руки и, смеясь, начал читать вслух, пытаясь попутно убежать от моих яростных побоев.

— В моих... Ай! Отстань! В моих садах цветёт сирень. Отвянь, Говард.

— Отдай, Пэрриш! Ну не дури, ну! — мы прыгали по кроватям и толкали друг друга.

— Так, всё! Моё! — он прижал лист к груди, — Не отдам!

— Ой, да иди ты! — я обиженно отвернулся от него.

— Хаха! Итак, дебют Адама Говарда и попытки в поэзию. Кхм, кхм кхм...

В моих садах растёт сирень,

В твоих — цветут тюльпаны.

В моих садах есть свет и тень,

В твоих — терять хоть каждый день

Себя я не устану.

Я помню ангельский твой взгляд

И снег в твоих ресницах;

Тогда был розовый закат,

Над нами ангелы парят,

Мы — новая страница.

Ты — след далёких облаков,
Что солнце обняли, любя;
Ты пишешь краской вместо слов,
Ты любишь книги и котов,
А я... люблю тебя.

Он оторвался от чтения и поднял голову, глядя на меня с открытым ртом. Я скептически поднял бровь, ожидая реакции от друга.

— Роза одна, красная, коробка конфет с шоколадом и кольцо, которое цвет меняет... — он указывал на меня пальцем, широко раскрыв глаза, — Ты меня понял?

— Понял... — я кивнул головой и принял свой драгоценный лист из рук друга.

На следующий день я отпросился на несколько часов у директора и с благословением Малкольма отправился на самую важную миссию в своей жизни — покорение дамского сердца. Я купил самую красивую и большую красную розу, какую только нашёл, коробочку шоколадных конфет и то самое «кольцо настроения». Ну, думаю, ты такие видел и знаешь. Тогда их популярность уже сходила на нет, но в душе каждая девушка мечтала о такой причудливой вещице.

Аннабель уже должна была ждать меня в сквере, где мы обычно проводили своё время. Когда я подошёл, она уже стояла на месте. Я решил поступить так же, как парни во всяких мелодрамах — закрыть ей глаза и спросить: «Угадай, кто это?». Она накрыла своими руками мои и повернулась с широкой улыбкой. При каждой нашей встрече я был готов по несколько часов говорить о том, как она прекрасна; и сейчас: её волосы были выпрямлены, глаза слабо подведены, на её плечи было накинуто серое пальто поверх белой рубашки, заправленной в светлые широкие джинсы. Я торжественно вручил ей всё, что купил, и прочёл стих, запинаясь на каждой строчке. Я иногда поднимал взгляд от трясущегося листка на девушку: она хлопала глазами, а на лице её застыло выражение удивления и... не знаю, чего ещё. Когда я закончил, она засияла и, подойдя ко мне поближе, поцеловала меня, взяв меня за свободную руку.

— Так ч-что же?.. — я по-прежнему запинаясь и дрожал, как осиновый лист, — Ты б-будешь...

— Да! — я не успел ещё договорить, как Аннабель прервала меня.

С моих плеч упал тяжёлый груз в виде моей трусости. И тут я заметил вдалеке моего отца, который, чуть заметив меня, направился прямо к нам с Аннабель.

— Привет, молодёжь! Как дела, Адам? — он вприпрыжку подошёл и положил руку мне на плечо, а другой потрепал мои волосы.

— А?.. Отлично, — я смутился и потупил взгляд.

— Ой, извините, — он обращался к Аннабель, которая, казалось, совсем не понимала, что происходит, — Айзек Говард, приятно познакомиться.

— Аннабель Отис, взаимно! — она пожала руку моему отцу, — А ты не говорил, Адам, что у тебя есть брат.

Лицо моего отца в тот момент было неопишимо: смешались в кучу гордость, радость и что-то ещё. Он тряхнул волосами и ослепительно улыбнулся.

— Тогда я буду братом с сегодняшнего дня. У меня есть вопросы к твоей матери теперь, Адам.

— Ооооой! Так вы... — Аннабель была правда поражена, — Вы просто так... молодо выглядите.

— Спасибо, юная леди. Так, я домой, братец. Передавай твоему бедолаге «привет».

Отец ушёл, смеясь, оставив нас с Аннабель наедине со смущённостью и зарядом позитива на остаток дня. Действительно, папа выглядел весьма молодо: его волосы были очень густыми и пшеничного цвета, на лице были лишь мимические морщины, так что, ничего не выдавало его реального возраста. Мне от него достались длинные пальцы, высокий рост и нелюбовь к жаре.

— Так, по довольному лицу вижу, что randevу удалось на славу, — Малкольм никогда не говорил «свидание», «встреча» — только «randevу».

— Тебе привет от моего папы.

— Охохох, — Пэрриш закричал и плюхнулся на кровать, — Я тебе завидую, Адам! Мой если бы увидел кого, никогда не передал бы "привет", не настолько сильно он меня любит. Усыновите меня, ради всех Богов!

— Обязательно, Малкольм, обязательно! — я присел рядом и приобнял друга, - Мама же знает, с чем блинчики ты любишь, а кровать ещё одну купим! - я подмигнул ему.

- Конечно же купим, братец.

Я его обожал, честное слово.

<http://tl.rulate.ru/book/22354/465317>